УДК 821.161.1 DOI 10.17238/issn1998-5320.2020.39.13

Н. В. Проданик,
Омский государственный педагогический университет

ГАЗЕТА И ЕЕ ЧИТАТЕЛИ В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»: СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД, ГЕНЕЗИС И НАРРАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА СЮЖЕТА ЧТЕНИЯ

Проблема и цель. В работе рассматривается феномен газеты в романе И. А. Гончарова: определяются знаковая природа, специфика повествования о газете, генезис сюжетов чтения и отказа от чтения газетной публицистики. Цель: осмысление газеты как семиотико-нарративного феномена в романе «Обломов».
Методология. Методологическую основу исследования составляют семиотический и нарративный анализы: газета рассматривается как семиотический элемент Петербургского текста; как элемент нарративной конструкции, построение которой свидетельствует об отношении персонажей к новостям.
Результаты. В исследовании определяется необходимость включения газеты в семиотический комплекс Петербургского текста. Произведением, позволяющим проследить динамику отношения к газете, становится роман И. А. Гончарова.
Выводы. Газета – важный элемент Петербургского текста, с ней связаны значения новизны, событийной динамики жизни. Чуждый городской культуре, Обломов не читает газет, его нелюбовь к новостной периодике родом из усадьбы. Скептическое отношение к газете он выражает в инвективных высказываниях. Феномен газеты в романе получает амбивалентную оценку: в ней положительный аспект (открытость петербургской культуры миру) соположен с отрицательным (по мнению Обломова, чтение газеты приводит к отказу от Дома).
Ключевые слова: Петербургский текст русской культуры, И. А. Гончаров, «Обломов», семиотический код газеты, нарративная специфика сюжета чтения газеты, генезис сюжета чтения газеты, усадебный текст, Н. В. Гоголь, литературная традиция.

Проблема и цель. Воссоздавая семиотическую модель Петербургского текста, В. Н. Топоров включает в нее, помимо природных элементов – камня и воды, элементов пространственно-архитектурных – петербургских площадей и домов, обращенных фасадами на проспекты, еще и печатные издания: книги и журналы. С его точки зрения, литературные произведения фиксируют важные черты петербургской жизни: так, в философском романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» и в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» раскрывается ночная «метафизическая конструкция любви». Именно ночью открывается «внутренний» Петербург и у любящих рождается стремление к духовному слиянию в «двуединое Я» [1, с. 301-302].

В городском интертексте семантически акцентной становится даже тематика журналов: в ней определяются аксиологические позиции двух соперничающих российских столиц. За аргументацией по этому поводу В. Н. Топоров обращается к наблюдениям Б. Н. Эйхенбаума, который о выходе первого номера журнала «София» (1914 г.) пишет: «…очень важно, что журнал издается в Москве, а не в Петербурге. Именно Москва должна стоять во главе изучения русских культурных традиций. Она сама – живой символ прошлого. А “Старые годы” и “Аполлон” – журналы слишком петербургские, и … вдохновляются они тем периодом, когда на развалинах прошлого воздвигался новый город-сфинкс…» [1, с. 326–327]. Тематикой и проблематикой журналов подчеркивается, что вкусу московских читателей более отвечает исконно русское, тогда как петербуржцам оказывается ближе классическая европейская культура, современное российское и зарубежное искусство.

На наш взгляд, печатно-семиотическая структура Петербургского текста, в которой книги и журналы предстают важными элементами, оказывается неполной: исследователи игнорируют такой феномен, как газета. А между тем еще В. Г. Белинский, говоря о различиях московской и петербургской литературно-публицистической жизни, принимал во внимание интерес жителей к газетам: «…В Петербурге чтение – … плод цивилизации. Кому не известно, что в Европе газеты составляют необходимость каждого грамотного человека и что эта необходимость проистекает из публичности, составляющей основу европейской жизни? Но кому также не известно, что в Европе – читать газеты совсем не значит заниматься чтением? …Следовательно, в Европе газета есть вестовщик, почтальон, который всех заставляет читать, но которого никто не считает книгою. И между тем точно так боль-

шинство петербургской публики читает и газеты, и журналы, и стихи, и романы… Петербург любит читать все новое, современное, животрепещущее, о чем все говорят…» [2].

Произведения русской классики XIX века, отражающие дух петербургской культуры, запечатлели эту особенность: к примеру, интерес ко всему новому как специфично петербуржская черта жизни обусловил появление в сюжете романа И. А. Гончарова «Обломов» особых нарративных эпизодов – разговора о газете и описание интерьера, в котором значимую роль играет газета. Отметим, что в Петербурге гости, друзья Обломова часто задавали ему вопросы о чтении и настойчиво рекомендовали готовящиеся к выходу произведения, например, Пенкин, не увидев книг в квартире Ильи Ильича, упрашивал прочесть «одну вещь» [3]. Илья Ильич лишь отнекивался, он не интересовался книгами и журналами. Более того, Обломов не проявлял интереса не только к книгам, но и к газетам, что в Петербурге слыло еще большим пороком и демонстрировало тотальное отсутствие интереса героя ко всему новому.

Цель нашего исследования – выявление отношения Ильи Ильича Обломова к газете – семиотической единице Петербургского текста. Нам необходимо понять не только то, как герой относился к газетным публикациям, но и определить генезис его охлаждения или интереса к газетным строчкам в пространстве Петербурга.

Методология. Наш путь анализа соединяет семиотический и нарративный подходы: с одной стороны, нам интересна газета как знаковый элемент Петербургского текста; с другой стороны, нас интересуют нарративные конструкции, в которых раскрывается отношение героя к газетным новостям. Мы полагаем, что важна не только явная семантика, которой обладает газета как знак, но и семантика, спрятанная в выстроенном вокруг газеты повествовании. Нарративный анализ позволит нам разглядеть скрытые смыслы в интонации рассказа, в литературных аллюзиях, которыми наполнено повествование о чтении или нечтении газетного текста.

Результаты. Отрицательный нарративный акцент сделан уже в самом начале романа: при первом знакомстве с Ильей Ильичом мы узнаем, что перед нами человек не пишущий и не читающий: «Если б … не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет... На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, *валялась газета (курсив здесь и далее наш. – Н. П.)*, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; *нумер газеты был прошлогодний*, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» [3]. Нарративный эпизод выстроен парадоксально: он позволяет судить о жилом помещении только по присутствию в нем человеческого тела, тогда как материальные знаки интеллектуального неприсутствия – заброшенные книги и газета, высохшие чернила – говорят обратное: здесь никто не обитает. Повествователь в гоголевском духе создает безрадостную картину «мертвого» обломовского жилья: эту литературную ассоциацию вызывают нагромождение предметов, доминанта бытового начала над бытийно-духовным и упоминание обывательской мухи в чернильнице – все эти детали интерьера демонстрируют интеллектуальное запустение. Напомним, у Плюшкина чернильница была тоже полна мух, и, по свидетельству критиков и литературоведов, таких «гоголевских мест» у Гончарова довольно много [4, с. 124–126].

Нельзя сказать, что Обломов всегда был противником печатного слова: в юности он читал, но делал это без всякого интереса и не видел разницы между книгой или газетой. Как пишет автор-повествователь, иногда Обломов брал в руки текст, делал это без всякого разбора, и «…охлаждение овладевало им еще быстрее, нежели увлечение: он уже никогда не возвращался к покинутой книге» [3]. Отсутствие потребности чтения, подчеркнуто скептическое отношение к периодическим изданиям нельзя назвать исключительно обломовскими чертами, это обстоятельство, конечно, выделяло его из ряда других петербуржских персонажей, таких как Пенкин, Штольц, но … сближало с усадебными жителями. Поэтически покойное усадебное пространство Обломовки было идиллично по своему духу и, как следствие, внеположно всякому новостному шуму. Лишь однажды Обломовка попала на страницы газет, да и то по причине своей удивительной «плодовитости»:

«… Ни страшных бурь, ни разрушений не слыхать в том краю.

В газетах ни разу никому не случилось прочесть чего-нибудь подобного об этом благословенном богом уголке. И никогда бы ничего и не было напечатано … если б только крестьянская вдова Марина Кулькова, двадцати восьми лет, не родила зараз четырех младенцев, о чем уже умолчать никак было нельзя» [3].

Эта газетная новость тоже некоторым образом похожа на анекдот в гоголевском духе и должна, на наш взгляд, вызывать улыбку читателя (или хотя бы недоуменный вопрос об отцовстве). Напомним, сходная ситуация к удивлению Пульхерии Ивановны складывалась с завидным постоянством и

в ее поместье; что особенно удивляло хозяйку, так это отсутствие в доме холостых мужчин при такой плодовитости дворовых девушек (Н. В. Гоголь «Старосветские помещики»). Опустим вопрос о нравственной подоплеке события в пространстве Обломовки (кстати, в этом отношении фраза построена как информативно недостаточная) и обратимся к главному. Новость из Обломовки касается ни разрушений, ни войн или сведений из жизни великих личностей, чем отличается от новостей городских, и нарратор на этом ставит акцент – «Ни страшных бурь, ни разрушений не слыхать в том краю» [3]. Счастливое событие и восхищенно-ироническая новостная интонация свидетельствуют, что Обломовка – райский уголок, место плодородное и прямо-таки пышущее здоровьем.

Здоровому укладу жизни в Обломовке было чуждо систематическое чтение: отец Ильи Ильича не видел разницы между книгой и газетой, не было для него разницы и между свежей газетой и «третьегодичной»: «…Илья Иванович … не подозревал в чтении существенной потребности, а считал его роскошью … ему все равно, какая бы ни была книга; он смотрел на нее, как на вещь, назначенную для развлечения, от скуки и от нечего делать…

Иногда он *из третьегодичных газет почитает* и вслух, для всех, или так сообщает им известия.

– Вот из Гаги пишут, – скажет он, – что его величество король изволил благополучно возвратиться из кратковременного путешествия во дворец, – и при этом поглядит через очки на всех слушателей…» [3].

Если в нарративной конструкции, посвященной нечтению в Петербурге, чувствуется гоголевско-критическая интонация повествователя, в новости о вдовице и ее детях – идиллически-ироническая, то в описании невнимания усадебного жителя к печатному слову тон рассказа меняется. У повествователя появляется спокойно информативный тон, а в речи персонажа даже чувствуется превосходство судьи – критика ненужной книжной и газетной суеты. Спокойная интонация нарратора совершенно понятна: усадьба – топос традиции, в ее мифопоэтическом пространстве райского бытия время не имеет своей силы: здесь нет устремленности в будущее, здесь ценно вечно длящееся прошлое, которое образует единую и неразрывную цепь с настоящим, потому повторяемость действий в усадьбе важнее новизны, а традиционность уклада ценнее событийной уникальности. И, как следствие, газетами здесь не увлекаются. К примеру, в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» даже не встречается упоминание о газетах, журналы же читают Павел Петрович и Аркадий. Более всего в усадьбе читают книги, об этом свидетельствуют тексты И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, и эта традиция продолжится вплоть до революции, отголоски читательской поместной культуры исследователи находят в текстах А. Н. Толстого (так, в рассказе «Девушки» 1913 года молодые читательницы проводят часы над книгой И. А. Гончарова «Обрыв») [5].

Будучи родом из усадебного пространства и разделяя суждения своего отца, Илья Ильич потому и не любил новостей; более того, погоня за информацией виделась ему патологической чертой городской жизни. В разговоре-споре со Штольцем Илья Ильич так выражал свое оригинальное критическое суждение о ненужности в Петербурге чтения книг и газет: «Что такое? – спросил Штольц, посмотрев книгу. – “Путешествие в Африку”. И страница, на которой ты остановился, заплесневела. *Ни газеты не видать... Читаешь ли ты газеты?*

– Нет, печать мелка, портит глаза... и нет надобности: если есть что-нибудь новое, целый день со всех сторон только и слышишь об этом» [3].

Погоня за новостями, их эмоциональное обсуждение, острая новостная тематика в разговоре – все это, по мнению Обломова, есть настоящая болезнь петербуржцев: жажда информации, беспокойное воображение устремляют читателя газет в слишком обширное пространство мира, заставляют думать о совершенно посторонних людях, обсуждать их поступки и, как следствие, лишают дома и покоя. То, что Обломову представляется пороком городской жизни, дворяне еще со времен Н. М. Карамзина считали счастливой возможностью: книгопечатание позволяло, не выходя из дома, узнать европейский мир; так дом, где есть личная библиотека, становился «аналогом мироздания» [6, с. 36]. Обломов судит иначе. Обсуждая свое нечтение с Андреем Ивановичем, Илья Ильич приводит убедительные доводы: сетует, что шрифт у газет мелкий, или замечает, что жажда информации свидетельствует о скуке, «непробудном сне» любителей новостей. Однако в его обличительной речи достаточно убедительное, обстоятельное описание недовольства газетами и их читателями вдруг завершается … ничем: он говорит о своем неконченом плане жизни. Так газетный «судья» оказывается посрамлен собственным бездельем:

– Вот этот желтый господин в очках, – продолжал Обломов, – пристал ко мне: читал ли я речь какого-то депутата, и *глаза вытаращил на меня, когда я сказал, что не читаю газет.* И пошел о Людовике-Филиппе, точно как будто он родной отец ему… Как, всю жизнь обречь себя на ежедневное

заряжанье всесветными новостями, кричать неделю, пока не выкричишься? … Рассуждают, соображают вкривь и вкось, а самим скучно – не занимает это их; сквозь эти крики виден непробудный сон!.. Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему! А избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней, прорывать глубокую колею – это скучно, незаметно; там всезнание не поможет и пыль в глаза пустить некому.

– Ну, мы с тобой не разбросались, Илья. Где же наша скромная, трудовая тропинка? – спросил Штольц.

Обломов вдруг смолк.

– Да вот я кончу только... план... – сказал он. – Да бог с ними! – с досадой прибавил потом. – Я их не трогаю, ничего не ищу; я только не вижу нормальной жизни в этом. Нет, это не жизнь, а искажение нормы, идеала жизни, который указала природа целью человеку... [3].

В мечтах Обломова о настоящей жизни, в его слагаемых счастья не было шума газетных новостей. Для Ильи Ильича воплощением подлинного человеческого счастья было семейное чаепитие с его поэтически усадебными чертами: летом, чаем, самоваром, террасой и красавицей женой. Чаепитие в мечтах Обломова очень напоминало ту атмосферу, в которой прошли годы его детства – время младенческого покоя, материнской опеки, когда каждый обед заканчивался совместным долгим чаем, и спокойствие за столом было важнее всякой суеты – пришедших писем или городских новостей. Эту атмосферу покоя Обломов пытался перенести и в Петербург. И чай для него оказался поводом отложить чтение, отложить дела или вовсе забыть о них: «Он, как только проснулся, тотчас же вознамерился встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать…С полчаса он все лежал, мучаясь этим намерением, но потом рассудил, что успеет сделать это и после чаю…» [3].

Ненадолго пробудила Илью Ильича лишь любовь Ольги Ильинской, уточним, в понимании Ольги «пробудить» Обломова для жизни означало сделать его читателем, вызвать у него интерес к чтению книг, газет и обсуждению известий: «Она мечтала, как “прикажет ему прочесть книги”, которые оставил Штольц, потом *читать каждый день газеты и рассказывать ей новости* …– словом, он не задремлет у нее... » [3]. И этот план почти удался, действительно, Обломов «…догнал жизнь, то есть усвоил опять все, от чего отстал давно… Он усвоил только то, что вращалось в кругу ежедневных разговоров в доме Ольги, что *читалось в получаемых там газетах*... Все остальное утопало в сфере чистой любви…» [3]. Как видим, мечты об активной жизни лишь ненадолго возвратили Обломова к газетам. В пору влюбленности именно газеты и книги кажутся ему слагаемыми новой жизни, которая, впрочем, едва померещилась герою и не сбылась еще до начала ее осуществления: «**…** Какой первый шаг сделать к тому? С чего начать? …

… пожить без халата, без Захара и Тарантьева... *В то же время читать газеты, книги, беспокоиться о том, зачем англичане послали корабль на Восток...*

… И так всю жизнь! Прощай, поэтический идеал жизни! Это какая-то кузница, не жизнь; тут вечно пламя, трескотня, жар, шум... когда же пожить? Не лучше ли остаться?

… Обломов приподнялся было с кресла, но не попал сразу ногой в туфлю и сел опять» [3].

На европейский лад деятельная любовь Ольги и русское покойно-материнское чувство Агафьи Матвеевны оказались настолько полярны, что даже необходимость брать в руки газеты понималась ими по-разному. Если Ольга Ильинская ожидала от Ильи Ильича чтения газет, то Агафья Матвеевна удивлялась необходимости это делать, когда Обломов ее об этом спрашивал:

– А читаете что-нибудь?

Она поглядела на него тупо и молчала.

– Книги у вас есть? – спросил он.

– У братца есть, да они не читают. *Газеты из трактира берем*, так иногда братец вслух читают... [3].

Чтению книг и несвежих газет Агафья Матвеевна предпочитала ведение хозяйства. Да и сам Обломов больше не ездил к Ильинским, отпала необходимость в поддержании разговоров о новостях, и, как следствие, он тоже постепенно забыл о надобности просматривать газеты и следить за событиями в мире. Его жизнь в Петербурге вновь сжалась до границ съемной квартиры.

Выводы. Как показывает предпринятое исследование, газета, наряду с книгой и журналом, явилась важным элементом Петербургского текста: в столичном пространстве она стала знаком новизны – несомненной ценности жизни петербуржцев. Чтение и обсуждение газетных новостей позволяло горожанам жить «в большом измерении», интересоваться различными событиями России и мира, Востока и Запада. Газета давала возможность почувствовать возросший витальный темп, а построение карьеры в новой российской столице требовало от горожан информационной открытости –

осведомленности буквально во всем. Однако у газеты как семиотической единицы был и негативный аспект: как подмечал Обломов, чрезмерное увлечение информацией лишало петербуржцев Дома, а чрезмерный интерес к чужой жизни приводил к забвению своей судьбы. Илья Ильич считал, что за излишней эмоциональностью при обсуждении новостей скрывалось равнодушие, скука, «непробудный сон» души, а потому сам газет не читал.

В середине XIX века в российской культуре даже детям прививался интерес к чтению, для них была создана азбука, в предисловии к которой автор призывно восклицал: «…что за умная вещь – читать!»; и для побуждения ребенка к чтению снабжал книгу иллюстрациями [7, с. 91]. Книга в этот период являлась неотъемлемой частью жизни взрослых и детей в городе и поместье, однако Илья Ильич унаследовал от отца стремление к идиллическому покою, нарушить который не могли ни раздумья над книгой, ни волнения, вызванные газетной новостью. Чуждый петербургскому стилю жизни, Обломов газет в руки не брал, по его мнению, газетная шумиха создавала лишь иллюзию жизни, мешала человеку быть поэтически счастливым. Только в пору влюбленности он обратился к чтению, ненадолго проявил интерес к газете. Чаще же в нарративных конструкциях, посвященных феномену газеты, Обломов обличительно высказывался о болезни времени: новостной шумихе, погоне за острой информацией.

Примечательно, что в негативно критических опусах о газете нарратором выступает сам Обломов; а в эпизодах о *нечтении* газет и книг нарратором становится скрытая личность – автор текста, который, прибегая к сатирическому гоголевскому тону, критически относится уже к обломовской позиции. Так в романе выстраивается бинарная оппозиция: в газете видятся положительные и отрицательные черты, а семиотический элемент предстает явлением сложным, неоднозначным, но необходимым в судьбе Петербургского текста.

Библиографический список

1. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1995. 624 с.

2. Белинский В. Г. Петербургская литература // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845. М.: Худож. литература, 1981. 799 с.

3. Гончаров И. А. Обломов. Роман в четырех частях // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. СПб.: Наука, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.goncharov.spb.ru/obl (дата обращения: 10.08.2019).

4. Гуськов С. Н. Гончаров и Гоголь: об одном парадоксе в истории текста «Обломова» // Обломов: Константы и переменные: Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб: Нестор-История, 2011. С. 124–132.

5. Акимова А. С. Традиции изображения «усадебной культуры» в рассказе А. Н. Толстого «Девушки» // Вестник Томского государственного университета, 2019. № 438. С. 5–10. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37182714 DOI: 10.17223/15617793/438/1 (дата обращения: 20.08.2019).

6. Болотникова О. Н. Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма // Вестник Томского государственного университета, 2015. № 391. С. 34–39. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25068425 DOI 10.17223/15617793/391/5 (дата обращения: 20.08.2019).

7. Ромашина Е. Ю., Безрогов В. Г. Книгоиздатель и автор: азбука в России середины XIX в. // Текст. Книга. Книгоиздание, 2018. № 18. С. 91–123. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36722762 DOI: 10.17223/23062061/18/5 (дата обращения: 20.08.2019).

N. V. Prodanik,
Candidate of Philology,
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1871-328X
Web of Science Researcher ID E-4109-2016
e-mail: omsk.nadezhda@mail.ru

NEWSPAPER AND ITS READERS IN THE NOVEL “OBLOMOV” BY I. A. GONCHAROV: SEMIOTIC CODE, GENESIS AND NARRATIVE SPECIFICITY OF THE READING PLOT

Introduction. The article contains the newspaper phenomenon in I. A. Goncharov’s novel “Oblomov”. It determines its iconic nature, the specifics of the newspaper story, the genesis of reading plots or refusing to read newspaper news. The purpose of the study is to comprehend the newspaper as a semiotic-narrative phenomenon in I. A. Goncharov’s novel “Oblomov”.

Materials and Methods. The methodological basis of our study are semiotic and narrative analyzes. We consider the newspaper as a semiotic element of the Petersburg's text of the Russian culture, as an element of a narrative construction, the development of which testifies to the attitude of the characters to the news material.

Results. The study determines the need to include the newspaper in the semiotic complex of the Petersburg's text, along with a magazine and a book. The novel by I. A. Goncharov "Oblomov" becomes a work that allows us to trace the dynamics of the attitude to the newspaper, to establish the ambivalent semantics of this phenomenon. The specifics of the narrative fragments concerning the relationship of characters to news text, shows that the Oblomov's reluctance follow the information due to his pedigree – idyllically calm, uneventful world of the estate.

Conclusions. Semiotics of the newspaper is an important element of the St. Petersburg's text; the newspaper is associated with the values of novelty, the dynamics of life. Alien to St. Petersburg culture, Oblomov does not read newspapers; his dislike of the news comes from an idyllic manor. He expresses his skepticism about the newspaper in accusatory statements. The phenomenon of the newspaper in Goncharov's novel gets ambivalent assessment: it has both positive aspects (openness of the St. Petersburg culture to the world) and negative ones (according to Oblomov, reading newspapers leads to the abandonment of the House).

Keywords: Petersburg's text of the Russian culture, I. A. Goncharov, "Oblomov", semiotic code of the newspaper, narrative specificity of the plot for reading the newspaper, genesis of the plot for reading the newspaper, estate text, N. V. Gogol, literary tradition.

References

1. Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoietic Studies: Favorites. Moscow: Publishing group «Progress» «Culture», 1995. 624 p. (In Russian).

2. Belinskiy V. G. Petersburg literature. Belinskiy V. G. Collected Works: V 9. Vol. 7. Articles, reviews and notes, December 1843 – August 1845. Moscow: Imaginative literature Publ., 1981. 799 p. (In Russian).

3. Goncharov I. A. Oblomov. The novel in four parts. Goncharov I. A. Complete Works and Letters: 20 vol. V. 4. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. [Electronic resource]. Available at: http://www.goncharov.spb.ru/ obl (accessed: 08/10/2019) (In Russian).

4. Guskov S. N. Goncharov and Gogol: One paradox in the history of the text "Oblomov". Oblomov: Constants and variables: Collection of scientific articles. Ed. by S. V. Denisenko. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2011. Pp. 124–132. (In Russian).

5. Akimova A. S. Traditions of the image of the «estate culture» in A. N. Tolstoy's story "Girls". Bulletin of Tomsk State University, 2019. No. 438. Pp. 5–10. [Electronic resource]. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id= 37182714 DOI: 10.17223 / 15617793/438/1 (accessed: 08.20.2019) (In Russian).

6. Bolotnikova O. N. The phenomenology of home space in the literature of Russian sentimentalism. Bulletin of Tomsk State University, 2015. No. 391. Pp. 34–39. [Electronic resource]. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id= 25068425 DOI 10.17223 / 15617793/391/5 (accessed: 08.20.2019) (In Russian).

7. Romashina E. Yu., Bezrogov V. G. The book publisher and the author: ABC in Russia, mid-19th century. Text. Book. Book publishing, 2018. No. 18. Pp. 91–123. [Electronic resource]. Available at: https://elibrary.ru/item. asp?id=36722762 DOI: 10.17223 / 23062061/18/5 (accessed: 20.08 .2019) (In Russian).

Поступила в редакцию 25.08.2019 © Н. В. Проданик, 2019

Автор статьи: Надежда Владимировна Проданик, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: omsk.nadezhda@mail.ru

Рецензенты:

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Л. В. Маштакова, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Лаборатория междисциплинарных гуманитарных исследований, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.